

ковскій взятокъ не беретъ“. Это выраженіе нѣкотораго изумленія не сходило съ лица больничной генеральши до конца ужина. Другіе гости относились къ ужину непосредственно. Они много ѣли, пили, хохотали, спорили, съ какой карты надо было идти, и передавали другъ другу закуски и вина. Хохотунья Бояринова сидѣла между мужемъ и Рѣзниковымъ. Всѣ уже узнали, что Рѣзниковъ назначенъ профессоромъ, и Бояринову было пріятно, что молодой професоръ оказываетъ вниманіе его супругѣ.

Раиса была сегодня блѣдна. Она устала и хранила молчаніе, иногда только любезно улыбаясь и приглашая гостей побольше кушать. Ѳедоръ Игнатычъ наблюдалъ гостей и посматривалъ на блѣдную жену свою, душевно желая, чтобы скорѣй кончился этотъ надобвшій ему пиръ.

Но послѣ ужина врачи уѣхали не сейчасъ. На двухъ столахъ доканчивали игру, на третьемъ разсчитывались. Ѳедору Игнатычу за шесть талій картъ положили на подсвѣчникъ двѣнадцать рублей.

— Вотъ, коллега, получите.

Онъ покраснѣлъ, но вспомнилъ, что эти деньги составляютъ во всѣхъ докторскихъ домахъ, гдѣ онъ бывалъ на карточныхъ вечерахъ, доходъ хозяина. Больничный экономъ ухитрился даже извлекать порядочную прибыль изъ своихъ карточныхъ вечеровъ. Чтобы не обидѣть товарищей, Гранковскій взялъ деньги, но отнесъ ихъ въ столовую и торопливо отдалъ Варѣ.

XXXVI.

По уходѣ гостей, Ѳедоръ Игнатычъ сказалъ себѣ:

„Все это ужасно пошло. Есть вещи, которыя обязательны, а воротятъ душу. Бѣдная Раиса какъ устала! Слушать глупости нашихъ дамъ цѣлый вечеръ, воля ваша! Она заснула, какъ ребенокъ, едва успѣвъ раздѣться. А вотъ я не могу спать... Неужели пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и я превращусь въ одного изъ коллегъ? Милая перспектива! Нѣтъ, поскорѣй надо вырваться изъ этой среды!“

Гранковскій въ мягкихъ туфляхъ прошелся по кабинету, заложивъ руки за спину.

„Вѣдь, въ сущности же, ни одинъ изъ моихъ коллегъ не можетъ назваться въ полномъ смыслѣ человѣкомъ, — брезгливо продолжалъ Ѳедоръ Игнатычъ. — Жабровскій беретъ съ больныхъ взятки; а когда его уличили въ этомъ, никто, кромѣ меня, не